

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РИМЕ 70-х гг. I в. до н.э.

Борьба за землю велась, как известно, на протяжении всего существования Римской республики. Со времени победы плебеев над патрициями и до конца II в. до н. э. она выступала как борьба безземельного и мало-земельного сельского плебса за предоставление ему участков на общественном поле (*ager publicus*), земли которого сосредоточивались большей частью в руках крупных землевладельцев. Эта борьба находила отражение в требованиях провести соответствующий земельный закон, выдвигавшийся народными трибунами, предлагавшими также и проекты закона. Кульминация аграрного движения в этой форме — события, связанные с аграрной реформой Гракхов (вторая половина II в. до н. э.).

С проведением Гаем Марием в конце II в. до н. э. военной реформы, открывшей доступ в римскую армию сельской и городской бедноте и поставившей вопрос об обеспечении легионеров средствами существования как во время несения службы, так и по окончании ее, аграрная проблема приобрела еще одну форму: наделение земельными участками отслуживших воинов, причем получением надела они были обязаны своему победоносному военачальнику.

Естественно предположить, что формы аграрного вопроса продолжали видоизменяться и в последнем веке республики, в частности в 70-х гг. I в. до н. э. В отношении освещения рассматриваемой проблемы это десятилетие в литературе остается «темным» десятилетием. Подобное положение объясняется двумя общими для этого века в целом причинами. 1. Последнее столетие Римской республики было насыщено такими бурными событиями, как Союзническая и гражданская (80-е гг.) войны, война с Сертори-ем, движение Лепида, восстание Спартака, движение Катилины и Клодия, гражданские войны конца республики. Естественно, политические события подобного рода заслонили аграрную проблему, отодвинули ее вглубь, что отразилось на исторической литературе, посвященной I в. до н. э., в которой уделялось и уделяется внимание в первую очередь (и преимущественно) исследованию названных кризисных моментов римской истории с точки зрения их политико-социальной сущности; это относится и к 70-м гг. 2. Усложнившееся социально-экономическое и политическое развитие римского общества в I в. до н. э. видоизменило и сам аграрный вопрос. Если в движении Гракхов он выступал в своей прямой форме — наделения земель разорившегося крестьянства, то в последнем веке республики кроме нее, а также другой — обеспечения наделами отслуживших воинов римской армии — появились новые формы аграрного вопроса, не столь очевидные.

Между тем аграрный вопрос не утратил своего значения и в последнем веке республики. Цель данной статьи — изучить его состояние в 70-х гг. I в. до н. э., выявить его особенности и место в социально-политической борьбе рассматриваемого десятилетия.

На социально-экономическое и политическое развитие Рима этого времени (и всего позднереспубликанского периода) оказали значительное

влияние аграрные преобразования, проведенные Суллой. Они внесли новые элементы в аграрную ситуацию, резко усилив напряженность в этой области. Сулланские мероприятия породили новые формы аграрной проблемы: борьбу за возвращение конфискованных Суллой земель их прежним владельцам и — наряду с этим — борьбу за упрочение сулланской собственности, усилили необходимость юридического укрепления частновладельческих прав собственников различных категорий. После земельных преобразований Суллы резко возрастает роль такой формы аграрного вопроса, как обеспечение средствами существования в виде дешевого хлеба переселившихся в Рим разорившихся сельских жителей.

Первая попытка ликвидации сулланских преобразований известна как движение Лепида¹. Последний выступил против сулланских порядков в 78 г., будучи консулом. В одной из речей, произнесенной перед народом, он призывал к борьбе с новым режимом — под лозунгом возвращения народу отнятой у него свободы и имущества (Sall., Hist. I, 55); кроме этих положений его программа включала также требования возродить отмененные Суллой хлебные раздачи (Gran. Licin., 33—34 Flem.), вернуть проскрибированных (Suet., Iul. 3) и — позже — восстановить власть народных трибунов в полном объеме². Предложенная Лепидом программа была в сущности, программой римской демократии, на сторону которой он перешел³ и преследовала несколько целей: а) уничтожить те преобразования Суллы, которые ущемляли интересы большинства населения; б) обеспечить себе массовую поддержку в борьбе с олигархическим правлением; в) добиться общей демократизации; г) восстановить римскую демократию как политическую силу. В свете этого аграрный аспект приобретал особое значение, так как именно он должен был привлечь на сторону Лепида и его сподвижников широкие массы италийского плебса, пострадавшего от сулланских конфискаций. Кроме того, в возвращении конфискованных владений были заинтересованы и уцелевшие проскрибированные и родственники погибших. Таким образом, аграрный вопрос в постановке Лепида выходил за рамки обычного его понимания как наделения земель неимущего сельского или городского плебса либо отслуживших воинов и включал в себя также обеспечение земельными владениями определенной части господствующего класса, в недавнем прошлом — крупных собственников.

Следует отметить еще один момент: среди проскрибированных было много всадников, родственники которых были заинтересованы в возвращении конфискованных владений. Рассчитывал ли Лепид на их поддержку, сказать трудно; во всяком случае реализация аграрного требования программы давала основу для сотрудничества с этой частью всадничества.

Вероятно, сначала Лепид намеревался добиться выполнения своих требований легальными методами; его деятельность в этот период не выходила за рамки законности. Он много выступал перед народом (Flor., 2, 11). Воспользовавшись значительным ухудшением положения городского плебса после отмены анноны и неспокойной обстановкой в Риме после смерти Суллы, когда плебс ожидал перемен в свою пользу, Лепид предложил восстановить хлебные раздачи, рассчитывая тем самым привлечь на свою сторону городские низы, имевшие большой удельный вес в народном соб-

¹ Специальных работ, посвященных этому событию, мало; стоит назвать статью Л. Хэйна (Hayne L. M. Lepidus (cos. 78): A Re-Appraisal. — *Historia*, 1972, 21, p. 661—669) и книгу Н. Крипити (Criniti N. M. Aimilius Q. f. M. N. Lepidus. — *Ut ignis in stipula*. Milano, 1969).

² Ср. Моммзен Т. История Рима. Т. III. М., 1941, с. 24; Last H. — *САН*, v. IX, 1932, p. 315.

³ Переход Лепида на сторону марианцев обычно объясняется личными мотивами: стремлением избежать суда за вымогательства в Сицилии, где он был наместником. См. Моммзен. Ук. соч., т. III, с. 19; Holmes T. R. The Roman Republic and the Founder of the Empire. V. I. N. Y., 1966, p. 34; Criniti. Op. cit., p. 374; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 416; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1949, с. 264. По мнению Л. Хэйна, Лепид никогда не был «твердым» сулланцем, имел «марианское» прошлое и фамильные связи (op. cit., p. 662—664).

рании, через которое он намеревался действовать. Было бы неправильно при этом не учитывать необходимость такой меры с точки зрения государственных интересов: голодная, легковозбудимая масса люмпен-пролетариев представляла непосредственную и серьезную опасность для богатых слоев Рима.

Нет сомнения, что беднота Рима встретила это предложение с энтузиазмом, благодаря чему Лепид провел закон о восстановлении хлебных раздач⁴. При поддержке городского плебса он смог провести и закон о возвращении изгнанников (Suet., Iul. 3; ср. Sall., Hist. I, 77, 14). Что касается основного пункта программы на этом этапе — возвращения конфискованных земель, то он остался невыполненным в значительной степени по вине городского плебса, который, добившись хлебного закона и не будучи прямо заинтересован в аграрной программе, отошел от активной поддержки Лепида. Восстановление анноны также должно было оказать известное деморализующее влияние на потерявшее землю крестьянство, однако в условиях общего подъема борьбы за землю в 78—77 гг. оно было не столь существенно.

Вполне возможно, что в начале борьбы Лепида поддерживала и та часть сенаторов, которая была недовольна сулланским режимом, предоставившим власть небольшой кучке сенатской аристократии. Предложение об амнистии проскрибированных могло привлечь на сторону Лепида и всадников. Что касается италийского плебса, то в тот момент его поддержка вряд ли была сколько-нибудь ощутимой, так как подавляющая масса его оставалась в районах, где раньше имела дома и земли.

Таким образом, первый этап выступления Лепида характеризуется легальными методами борьбы за выполнение выдвинутой им программы, опорой главным образом на городской плебс Рима и частичным достижением выдвинутых требований.

Вторая фаза движения начинается восстанием в Фезулах (Этрурия), где согнанное со своих земель население перебило многих сулланских колонистов и вернуло себе отобранные земли (Gran. Licin., 34 Flem.). Выступление носило стихийный характер. Единственной целью восставших было возвращение конфискованных у них земель, что свидетельствует о первостепенной важности аграрного вопроса для пострадавшего от ветеранской колонизации италийского плебса и о чрезвычайной остроте этой проблемы. В этом состояло одно из отличий данного выступления от выступления Лепида: здесь аграрный вопрос был главным и единственным, там — одним из ряда требований; здесь цель одна, там несколько. Следующее различие заключается в методах борьбы: вооруженное восстание фезуланцев — и вполне законная деятельность консула. Наконец, движущие силы обоих выступлений были различны: в Фезулах главным образом — сельский плебс, в Риме — городской. Тем не менее в обоих случаях имелась основа, позволявшая в дальнейшем организовать совместную борьбу Лепида и населения Этрурии против сулланских преобразований; этой основой и был аграрный вопрос.

Лепид вместе со своим коллегой по консульству Катулом был послан сенатом на подавление восстания. Ход событий заставил его определить свою дальнейшую позицию; явная невозможность добиться от сената возвращения конфискованных земель и восстановления полноты власти народных трибунов обычными методами, отход от Лепида городского плебса, исключительная возможность получить на законном основании армию,

⁴ Gran. Licin., 33—34. Из-за плохой сохранности текста, не позволяющей с определенностью судить об описываемых событиях, некоторые историки отрицают проведение Лепидом в 78 г. хлебного закона. См. Brunt P. Italian Manpower (225 B. C.—A. D. 14). Oxf., 1971, p. 377—378; Gruen E. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974, p. 384—385. Проведение хлебного закона в 78 г. допускают: Моммзен. Ук. соч., т. III, с. 24; Heatland W. The Roman republic. V. III, Cambr., 1923, p. 4; Frank T. The Economic Survey of Ancient Rome. V. I. Baltimore, 1933, p. 329; Nicolet Cl. Le métier de citoyen dans la Rome republicaine. P., 1976, p. 259.

а также подходящий момент для выступления — все это привело Лепида к союзу с восставшими и к решительным действиям.

Большое значение для выяснения роли аграрной стороны в движении Лепида имеет анализ социального состава его участников. Саллюстий, основной источник по этому вопросу, четко делит их на несколько категорий. К первой относятся «чернорабочие и немногие наемные убийцы, существовавшие все только на дневной заработок»⁵; сводники, виноторговцы, мясники и другие⁶, т. е. представители городского плебса. Они были набраны Лепидом за плату, главным образом, в Этрурии до его объединения с восставшими и, видимо, составили первоначальное ядро его армии, которая должна была подавить выступление фезуланцев.

Лепид и Катул, по-видимому, должны были набрать войска в Этрурии, на месте. При этом они могли рассчитывать либо на сулланских колонистов, либо на плебс этрусских городов, либо на нуждавшееся сельское население, не пострадавшее в правление Суллы. Первым, как кажется в данном случае, отводилась роль резерва; действительно, восстание не стало еще столь обширным, чтобы поднимать колонии. Среди набранных за плату солдат Лепида неимущие сельские плебеи не упомянуты. Вероятно, они не торопились (из крестьянской осторожности) поступить в войско консула, направленного на подавление восстания их земляков, и выжидали, как развернутся события. Городские же плебеи, особенно представители низших слоев, которых мы видели у Саллюстия, руководствовались прежде всего материальными соображениями⁷, им было все равно, против кого сражаться, лишь бы это хорошо вознаграждалось. Поэтому они стали сначала солдатами Лепида—консула, затем и Лепида—вождя восставших. Эта категория не отличалась многочисленностью. Участие ее в движении было случайным; в дальнейшем она несколько увеличилась за счет такого же случайного элемента, который присутствует в каждом движении подобного размаха.

Другая категория участников — уплывшие сторонники Мария. Они стали возвращаться в Италию после принятия закона об амнистии; большая часть их присоединилась к Лепиду, ибо выдвинутые им требования отвечали их устремлениям. Число этих сподвижников мятежного консула также было невелико.

Следующая категория восставших — итальяское крестьянство, ставшее жертвой сулланских конфискаций. У Саллюстия это «вытесненный с полей» народ (Hist. 3, 65)⁸, причем основную массу его составили жители Этрурии⁹. Распространение движения на большую часть Италии¹⁰ свидетельствует о том, что в нем приняло участие и население других районов, затронутых аграрными преобразованиями Суллы: Южной Умбрии, Пицены, возможно, Лация. Именно эта категория восставших обусловила многочисленность армии Лепида, устранившего, по словам Плутарха, римлян (Pomp. 16).

И, наконец, можно допустить (хотя соответствующие свидетельства в источниках и отсутствуют) участие в движении — в период его размаха — некоторой части неимущего итальянского крестьянства, не затронутого сулланскими земельными конфискациями. Ее должны были привлекать сам лозунг, в котором говорилось о земле (вероятно, во многих случаях понятый в желаемом, а не в настоящем смысле), и надежда

⁵ Sall., Hist. 3, 77, 7: at tunc erat Lepidus latro cum calonibus et paucis sicariis, quorum nemo diurna mercede vitam mutaverit...

⁶ Sall., Hist. 3, 63: Quin lenones et vinarii laniique et quorum praeterea volgus in dies usum habet, pretio compositi.

⁷ У Саллюстия заметно отличие этой части войска Лепида от остальных, боровшихся за восстановление своих прав и возвращение имущества.

⁸ Cp. App., B. c. I, 107; Flor., 2, 11; Exup., 3, 22.

⁹ Sall., Hist. 3, 67; 69, 77, 4, 8. Cp. Harris W. Rome in Etruria and Umbria. Oxf., 1971, p. 285, 286.

¹⁰ Plut., Pomp. 16; cp. Sall., Hist. 3, 77, 8.

получить землю или как вознаграждение за участие в борьбе, или — в дальнейшем — через народных трибунов, за восстановление полноты власти которых она также боролась.

Таким образом, на втором этапе движение вышло за пределы Рима и охватило большую часть Италии, что отразилось на изменении состава его участников. В борьбу стали втягиваться широкие слои италийского плебса, в первую очередь те, кто стал жертвой сулланских конфискаций. К ним присоединились вернувшиеся сторонники Мария, возможно, часть «нейтрального» крестьянства, а также случайные элементы. Однако при известной пестроте состава восставших их основную часть составлял италийский плебс, главным требованием которого было возвращение земель. Основное содержание второго этапа движения Лепида — концентрация сил и укрепление позиций в Италии; легатом Лепида, М. Юнием Брутом была захвачена Цизальпийская Галлия (Plut., Pomp. 16).

Исследования, касающиеся в той или иной мере этого антисулланского выступления, обычно только констатируют сам факт захвата Цизальпийской Галлии, не раскрывая ситуации, сложившейся в этой области. Первая попытка пролить некоторый свет на этот вопрос принадлежит, по-видимому, Ф. Бэдиану¹¹, заинтересовавшемуся причинами легкой и быстрой победы Помпея над Брутом в Северной Италии. Объяснение, предложенное им, заключается в том, что клиента Помпея среди населения долины р. По оказалась более обширной, чем клиента Лепида; это и решило исход борьбы в пользу первого. Однако оно представляется недостаточным. При такой клиентеле и легкая победа была бы заранее обеспечена, а между тем из соответствующего отрывка биографии (Plut., Pomp. 16) можно понять, что подобный ход событий оказался для Помпея неожиданным, поэтому он и поторопился сообщить радостную весть сенату. Наконец, следует напомнить, что в недавней гражданской войне жители Цизальпийской Галлии целиком перешли на сторону Метелла (App., B. c. I, 92), каковой факт довольно трудно объяснить отношениями клиентелы (ибо кроме клиентов Помпея и Лепида среди населения этой области были, разумеется, клиенты не только сторонников Суллы). Все это предполагает наличие иных, помимо отношений клиентелы, причин, влиявших на позицию населения названного региона.

Из факта быстрой и легкой победы Помпея явствует, что жители Цизальпийской Галлии в своей массе Лепида не поддерживали. Выдвинутые им лозунги — возвращение конфискованных земель и восстановление в полном объеме трибунских полномочий — их интересы не затрагивали. Согласно источникам, массовым земельным конфискациям население Северной Италии, перешедшее на сторону Суллы, не подвергалось, хотя отдельные сторонники марианцев могли пострадать при диктаторе. Источники не сообщают также о поселении в этой области сулланских ветеранов. Поэтому первый из названных лозунгов Лепида не мог найти здесь отклика. Второй также непосредственно интересам большинства жителей Цизальпийской Галлии не отвечал (возможно, в его реализации были некоторым образом заинтересованы те из них, кто имел римское гражданство). В основной массе население Северной Италии, вероятно, придерживалось нейтралитета (характер которого был неясен Помпею и сенату; отсюда неожиданность легкой победы). Контроль Брута над данной областью носил, видимо, чисто военный характер. Что касается набранного им в Цизальпийской Галлии войска, то особый интерес представляет его социальный состав, определить который весьма трудно из-за отсутствия прямых и чрезвычайной скудости косвенных сведений в источниках. Можно высказать лишь некоторые предположения. М. Е. Сергеенко подтвердила вероятность распространенного в литературе представления о многочис-

¹¹ Badian E. *Foreign Clientelae* (264—70 B. C.). Oxf., 1959, p. 275—277; ср. Sculard H. *From the Gracchi to Nero*. 2 ed. L., 1964, p. 88.

ленности крестьянства в долине р. По для рубежа II—I вв. до н. э.¹² Нет оснований думать, что положение заметно изменилось к началу 70-х гг. Хотя развитие товарно-денежных отношений, ростовщичество, рабства затронуло и Цизальпийскую Галлию, однако в гораздо меньшей степени, чем области Средней и Южной Италии, поэтому положение крестьянства (галльского и слившихся с ним итальянских колонистов)¹³ здесь не было бедственным. М. Е. Сергеенко показала, что крупные землевладельцы долины р. По были заинтересованы в свободном труде арендаторов; последние же могли выбирать имение, где им захочется осесть¹⁴. При таком положении трудно было ожидать, что нуждающиеся крестьяне предпочтут в качестве выхода воинскую службу. Пойти на это могла некоторая часть их, оказавшаяся неспособной к занятию сельским хозяйством. Из них, а также из клиентов Лепида, вероятно, и состояло войско Брута.

На втором этапе движение Лепида достигло наибольшего размаха. В связи с этим интересен вопрос о том, как решалась аграрная проблема на контролируемой восставшими территории. Поскольку источники не содержат данных, которые могли бы помочь с ответом, приходится ограничиться предположением. Вполне вероятно, что часть итальянского плебса на короткое время вернула бывшие свои участки, однако с поражением восстания вновь их утратила, теперь окончательно. Это, вероятно, справедливо и в отношении имений проскрибированных. Так как восставшие итальянские крестьяне не смогли удержать свои земли, то вполне может быть, что с поражением движения они от бессилия и ненависти разгромили колонистские хозяйства. Именно это явилось, на наш взгляд, существенной причиной разорения сулланских ветеранов. Кроме того, отрицательным образом на колонистских хозяйствах отразились и военные действия, ибо помимо крупных сражений у Рима, Альбы, Косы¹⁵, несомненно, происходили стычки местного масштаба.

Третий, завершающий этап движения Лепида начался походом восставших на Рим. Социальная характеристика восстания и выдвинутые в его ходе требования существенных изменений в этот период не претерпели.

Как известно, восставшие были разгромлены; сенатская аристократия, предпринимавшая решительные действия против Лепида и его сторонников, отстояла важнейшие преобразования Суллы, свое господство¹⁶. Движение Лепида не решило аграрного вопроса, поставленного в специфической форме борьбы за возвращение конфискованных земель прежним владельцам (прежде всего итальянскому плебсу). Разгром движения 78—77 гг., гибель части восставших и удаление существенного числа их (около 26 тыс. человек)¹⁷ за пределы Италии, на некоторое время несколько сгладили остроту аграрной проблемы в подобной ее постановке.

Восстание Лепида не прошло бесследно и для внутривнутриполитической жизни Рима. Поражение его нанесло очередной удар римским демократам, еще не оправившимся от сулланских преследований. Будучи не в состоянии добиться пересмотра аграрных мероприятий диктатора, они сосредоточили свои усилия на восстановлении утраченных политических позиций, добиваясь в первую очередь реставрации всей полноты полномочий народных трибунов, ограниченных Суллой в законодательной инициативе, праве

¹² Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М., 1958, с. 164—173.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Sall., Hist. I, 77, 9; 1, 82; Flor., 2, 11; Oros., 5, 22, 17.

¹⁶ Сенатская аристократия разгромила Лепида, используя сулланских колонистов и свежее войско, — см. Sall., Hist. I, 77, 22.

¹⁷ К Серторию переправилось 53 когорты (Plut., Sert. 15), что составляло около 26 тыс. человек (см. Pareti L. Storia di Roma e mondo romane. V. III. Torino, 1953, p. 668). X. Ласт называет цифру 20 000 (CAN, v. IX, p. 321).

интерцессии, праве занимать другие высшие магистратуры¹⁸. В 76 г. такого рода попытка была предпринята народным трибуном Сицинием, но безуспешно¹⁹. Более удачным оказался следующий год: консул Г. Котта провел закон о возвращении народным трибунам права занимать в дальнейшем высшие государственные должности²⁰. Представляется не совсем верным обычное объяснение этого факта политической умеренностью Котты и его единомышленников в сенате, недовольных крайностями режима. Хотя данное обстоятельство и имело значение, однако более существенную роль сыграли беспорядки, происходившие в это время в Риме на почве недостаточного снабжения населения хлебом — Sall., Hist. 2, 45. Этими беспорядками, несомненно, воспользовались популяры для агитации за восстановление всех полномочий народных трибунов (как они это сделали в 73 г., во время восстания Спартака — *ibid.*, 3, 48); в сложившейся ситуации сенат был вынужден пойти на уступку.

Наконец, следует отметить закон 75 г. до н. э. о частных судах (*Lex Aurelia de iudiciis privatis*) (Ascon. 67 Or.), который также был определенной уступкой со стороны сената. Но поскольку он нарушал монополию сенаторского сословия на участие в судах, установленную Суллой, т. е. покушался на одну из основ сулланской конституции, то эта уступка была сочтена чрезмерной и в 74 г. закон был отменен.

При характеристике борьбы за землю в рассматриваемый период следует коснуться проблемы участия свободного крестьянства в восстании Спартака 74—71 гг. до н. э.²¹ В буржуазной литературе анализ социального состава восставших обычно отсутствует²². Этот вопрос рассматривался чехословацкими историками Я. Бурианом и отчасти П. Оливой²³. В отечественной историографии социальные проблемы, связанные с «рабской войной» под предводительством Спартака, получили подробную разработку²⁴. В 30-е гг. господствовала концепция А. Мишулина, базировавшаяся на известном тезисе о революции рабов. Согласно ей, союзником восставших рабов было разоренное италийское крестьянство, принявшее массовое участие в движении и выдвинувшее собственную программу: изгнание землевладельцев, захват земли и ее передел. Различие социальных целей восставших рабов и крестьян привело к разногласиям в армии Спартака²⁵. Исследователи последующего времени подвергли эту концепцию критике, прежде всего за преувеличение размеров участия в восстании 74—71 гг. до н. э. свободного италийского крестьянства, и показали, что удельный вес свободных земледельцев в движении рабов был не-

¹⁸ *Cic.*, de leg. 3, 9, 22; *Verr.* 1, 60, 155; *Caes.*, B. c. I, 5, 7; *Suet.*, Iul. 5; *Liv.*, ep. 89; *App.*, B. c. I, 100; в целом о снижении важности трибуната — *Ascon.*, 81 Or.

¹⁹ *Sall.*, Hist. 3, 48, 8, 10; *Cic.*, Brit. 216; 217; *Plut.*, Crass. 7, 8; *Ps.-Ascon.*, 189 St.

²⁰ *Sall.*, Hist. 3, 48, 8; *Ascon.*, 66; 77 Or.; *Ps.-Ascon.*, 255 St.

²¹ Как известно, единого мнения в литературе о датировке начала восстания нет. Нам представляется более правомерной точка зрения историков, относящих начало событий к 74 г. до н. э. См. *Schambach. O. Der italische Sklavenaufstand 74—71 vor Christi. B.*, 1872; *Munzer F. Der erste Gegner des Spartacus.* — *Philologus*, 1896, 55, S. 387; *Adcock F. Marcus Crassus, Millionaire.* Cambr., 1966, p. 21; *Мишулин А. В.* Спартакосское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н. э. М., 1936; *Протасова С. И.* Античная традиция о Спартакосском восстании. — Уч. зап. МГУ, вып. 143, 1950, с. 27—42; *Кузищин В. И.* История древнего Рима. М., 1971, с. 210.

²² Некоторые указания относительно социального состава участников восстания имеются у Л. Парети (op. cit., III, p. 690).

²³ *Burian J.* «Ελευθεροί εκ των αργών» a povstani Spartakovo. — *Listy filologické*, 1957, 80, 2, p. 197—203; *Oliva P., Olivova V.* Spartacus. Povstai Spartakovo a spartakovska tradice. Praha, 1960.

²⁴ *Мишулин.* Ук. соч.; *Мотус-Беккер А. А.* Из истории восстания Спартака. — Уч. зап. гос. пед. ин-та им. Герцена, т. 68. Л., 1948, с. 55—78; *Ратнер Б. К.* К вопросу о причине разногласий в армии Спартака. — Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та, т. 3, 1948, вып. 1, с. 51—62 и др.

²⁵ См. *Мишулин.* Ук. соч.

велик²⁶. Отсюда следует также, что крестьянство не могло выдвигать собственную программу и самостоятельный план действия.

Значительную сложность представляет определение «свободных с полей» (ἐλευθεροὶ ἐκ τῶν ἀγρῶν) Аппиана (В. с. I, 116) — важнейшего свидетельства об участии свободного сельского плебса в восстании Спартака. Одни авторы ограничиваются общей характеристикой их как разорившегося (разоряющегося) крестьянства²⁷, другие пытаются уточнить это определение. Так, Л. Парети выделяет две категории: разорившийся по социально-экономическим причинам сельский плебс и жертвы сулланских конфискаций²⁸. По мнению Я. Буриана, Аппиан подразумевал деклассированных мелких землевладельцев, потерявших участки и превратившихся в люмпен-пролетариев, вынужденных батрачить в имениях крупных собственников²⁹. В. И. Кузищин, напротив, полагает, что исследуемая категория мелких землевладельцев не была люмпен-пролетариями, а имела какое-то недвижимое имущество — дом и маленький участок³⁰. На наш взгляд, правомерно будет, следуя А. А. Мотус-Беккер³¹, подходить к разорившимся мелким землевладельцам, принявшим участие в восстании рабов, дифференцированно. Варрон называет три категории свободных, работавших на земле: а) рауперкули; б) крестьяне с небольшим наделом, нанимавшиеся на «горячую пору»; в) безденежные должники, ближе всего стоявшие к рабам (обаерати). Эти три категории свободных землевладельцев имели основания (в силу тяжелых условий существования) присоединиться к восставшим рабам³². Цель их борьбы — захват земли, но в местных масштабах. Основная масса крестьянства к восстанию не примкнула, так как ее экономическое положение не давало оснований для такого шага. Весьма характерно, что с приближением отрядов Спартака крестьяне со своими семьями торопились укрыться (Sall., Hist. 3, 97; 98). Зажиточные же сельчане, которые сами могли иметь рабов, относились к восставшим, по-видимому, враждебно. Среди свободных участников восстания 74—71 гг. были, вполне вероятно, и деклассированные элементы, полностью порвавшие с земледелием (и ремеслом). Наконец, к Спартаку присоединились и пастухи (Plut., Crass. 9; App., В. с. I, 117), которых можно рассматривать и как рабов, и как наемных, поскольку речь идет о двух категориях пастухов³³.

Последствия восстания рабов 74—71 гг. были весьма серьезными. Военные действия и реквизиции в пользу римской армии³⁴ привели к разорению значительной части землевладельцев в районах, охваченных восстанием; в большей степени это относится к мелкому крестьянству, не имевшему возможностей восстановить хозяйство собственными силами и вследствие этого запоздавшему. Пострадала также определенная часть среднего и зажиточного крестьянства. Тяжелые последствия имело восстание Спартака для многих сулланских поселенцев. Так, Саллюстий сообщает, что беглые рабы напали на абелланских колонистов (Hist. 3, 97); Абелла была одной из сулланских колоний. Согласно Флору, восставшие опустошили Нолу, а также виллы и поселения (Flor., 2, 8); среди последних были,

Мотус-Беккер. Ук. соч.; Ратнер. Ук. соч.; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 247.

²⁷ Мишулин. Ук. соч., с. 131—133; Ковалев. Ук. соч., с. 421; Машкин. Ук. соч., с. 267; Ратнер. Ук. соч., с. 56; ср. Brisson J. Spartacus. 2 ed. P., 1975, p. 206.

²⁸ Pareti. Op. cit., v. III, p. 690.

²⁹ Burian. Op. cit., p. 203.

³⁰ Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973, с. 17, прим. 25.

³¹ Мотус-Беккер. Ук. соч., с. 65.

³² Кабальные должники (обаерати) боролись прежде всего за свое освобождение (см. Штаерман. Ук. соч., с. 228—230), а также и за землю, так как она являлась в их глазах единственной гарантией свободного существования.

³³ Мотус-Беккер. Ук. соч., с. 65.

³⁴ О реквизициях, вероятно, в связи с восстанием Спартака см. Cic., De imp. Sn. Rom. 12, 39.

несомненно, и сулланские³⁵. Естественно, во время восстания они и больше пострадали. Этим объясняется участие их в борьбе с восставшими рабами (в войске Красса), на что имеется указание Саллюстия (Hist. 4, 21).

Во время «рабской войны» были разорены и многие виллы; часть их поступила в продажу, так как владельцы не имели возможности восстановить их (см., например, Cic., Pro M. Tullio, 4).

Восстание рабов под предводительством Спартака оказало большое влияние не только на аграрные отношения, но и на социально-политическую борьбу в Риме. Одним из примеров этого является принятие в 73 г. хлебного закона (lex Terentia Cassia). Закон был проведен консулами этого года, представителями сенатской аристократии Марком Теренцием Варроном Лукуллом и Гаем Кассием Лонгином³⁶. Это объясняется ситуацией, в которой оказалось римское государство вследствие восстания рабов. К моменту проведения закона оно приняло достаточно серьезные размеры³⁷. Этим воспользовались популяры для агитации среди плебса за восстановление в полном объеме власти народных трибунов (Sall., Hist. 3, 48, 17); надо думать, были выдвинуты и другие требования, в том числе и расширения хлебных раздач. Быстрое распространение восстания на юге Италии и неудача римских военачальников вызвали в Риме панику и как следствие — скачок цен на продовольствие³⁸. Больше всего от этого пострадала городская беднота, особенно та ее часть, которая не получала государственного дешевого хлеба. Положение усугублялось общим хлебным кризисом, проявившимся в середине 70-х гг. в связи с внешними препятствиями для подвоза хлеба (распространение пиратства) и тяжелым финансовым положением государства в результате ведения Испанской и Восточной войн, требовавших больших расходов и затруднявших поступление денежных средств с провинций (Sall., Hist. 2, 47). В итоге в 73 г. в столице происходили беспорядки и, скорее всего, более значительные, чем в 75 г., о которых сообщает Саллюстий (Hist. 2, 45). Но если до начала восстания рабов оптиматы пытались снять напряженность такими мерами, как посылка дополнительных кораблей с хлебом для Рима (например, Цицероном — квестором в 75 г.)³⁹, частные раздачи зерна по цене ниже рыночной (Кв. Гортензий и М. Сей, эдилы 75 и 74 гг.)⁴⁰ или в политической области — уступка в вопросе о политических полномочиях (см. выше), то с началом восстания этого оказалось явно недостаточно. В создавшемся критическом положении требовалось проведение таких экстренных и действенных мер, которые могли успокоить народ и обеспечить более или менее прочный тыл перед лицом угрожающе распространяющейся «рабской войны». Подобной мерой явился хлебный закон.

³⁵ Сведений о величине участков сулланских поселенцев нет. Определяя размер этих наделов, следует исходить из того, что для прокормления семьи из пяти человек было вполне достаточно 10—12 югеров, — см. Кузицин. Римское рабовладельческое поместье..., с. 24 (ср. Моммзен. Ук. соч., т. I, с. 24—20 юг.). Принимая во внимание стремление Суллы создать себе прочную опору, что было возможно только при прочных хозяйствах колонистов, можно со значительной долей вероятности предположить несколько больший размер участков, чем этот «прожиточный минимум», — 20—30 юг., т. е. зажиточные хозяйства (ср. Harris. Op. cit., p. 260; Кузицин. Римское рабовладельческое поместье..., с. 25).

³⁶ Cic., Verr. 2, 3, 163; 173, 5; 52; Sall., Hist. 3, 48, 19.

³⁷ На это указывает реальность набора в армию для борьбы с восставшими городского плебса, причем в достаточно больших размерах, если Лициний Макр считал отказ плебеев от вступления в войско эффективной мерой борьбы за полное восстановление трибунской власти (Sall., Hist. 3, 48, 17).

³⁸ Ср. Frank. The Economic Survey..., v. I, p. 329; о зависимости цен на хлеб от внешне- и внутриполитических событий см. Cic., De imp. Cn. Pomp. 44 (в 67 г. до н. э.); Plut., Pomp. 49 (в 58 г. до н. э.).

³⁹ Источники см. Broughton T. R. The Magistrates of the Roman Republic. V. II. N. Y., 1952, p. 98.

⁴⁰ Cic., Verr. 2, 3, 215; de off. 2, 58; ср. Plin., N. h. 15, 2, 48, 16. В данном случае честолюбивые устремления отдельных лиц совпадали с интересами оптиматов в целом.

Существенное значение имеет попытка установить число получателей дешевого зерна. Так, Цицерон в речи против Верреса, посвященной разоблачению махинаций последнего с закупкой сицилийского хлеба, сообщает, что с города Агирия была потребована прибавка в пользу Апрония, составившая 33 тыс. медимнов пшеницы — «почти столько хватает на прокормление в течение месяца всех бедных Рима» (Verr. 2, 3, 72). На основании этой речи и сообщения Саллюстия (Hist. 3, 48, 19) количество получателей государственного зерна было определено примерно в 40 тыс. человек⁴¹. В последние десятилетия его пытались пересмотреть; так, по расчетам Р. Роулэнда, его следовало увеличить до 180 тыс.⁴² К. Николе⁴³ снижает ее до 108 тыс. человек (по его мнению, употребленное Цицероном слово *prope* имеет риторическое значение). Во всяком случае новая цифра в 2,7 раза больше прежней. Отсюда следует, что хлебный закон 73 г. охватывал подавляющее большинство городской бедноты; на это указывает Саллюстий: народный трибун Лициний Макр в своей речи перед народом выражает недовольство ограниченностью хлебного закона в отношении размера рациона, а не числа получателей (Hist. 3, 48, 19). Среди получателей хлеба были не только старые жители города, но и определенная часть перебравшихся в Рим крестьян, разоренных гражданской войной и сулланскими конфискациями.

Принятие в течение пяти лет второго хлебного закона, расширявшего хлебные раздачи, безусловно, оживило надежды разоренных крестьян (число которых возросло после движения Лепида и восстания Спартака), переселившись в Рим, просуществовать на государственную помощь (с учетом дополнительных источников доходов, которые предоставляло государство). Этому способствовало и то, что вероятность проведения земельного закона в интересах плебса была весьма проблематичной. Подъем аграрного движения в 78—77 гг. (в форме борьбы за возвращение конфискованных земель) после разгрома восстания Лепида сменился спадом. В этих условиях популяры считали основной задачей восстановление своих политических позиций; в связи с этим аграрный вопрос был ими отложен.

Наконец, число сторонников земельного закона хотя и увеличивалось, однако не столь быстрыми темпами и не в таких размерах, чтобы выдвинуть аграрную проблему на передний план. Поэтому отрицательные последствия хлебного закона Теренция — Кассия для аграрного движения конца 70-х — первой половины 60-х гг. были довольно значительными.

Еще одним следствием восстания Спартака явилось принятие сенатом в 72 г. *lex Cornelia de pecunia exigenda*, требовавшего от скупщиков имущества проскрибированных возврата казне денег, уступленных им Суллой (поскольку имущество это было приобретено скупщиками по заниженным ценам)⁴⁴. На подобный шаг сенатская олигархия пошла ввиду исключительной тяжести положения государства и потребности в средствах для ведения войны с рабами (восстание было в самом разгаре) и на покупку зерна для раздач плебсу (что также являлось жизненно необходимым, ибо обеспечивало тыл).

Указанный закон обнаруживает связь с проблемой сулланской собственности, хотя на первый взгляд речь в нем идет только о денежных суммах. Имущество проскрибированных, о котором в нем говорится, состояло прежде всего из земельных владений. Заставляя скупщиков

⁴¹ Моммзен. Ук. соч., т. III, с. 24; Rostowzew M. *Frumentum*. — RE, VII, Sp. 174; Frank. *The Economic Survey...*, I, p. 329; Van Berchem D. *Les distributions de blé et d'argent à la plebe romaine sous l'empire*. Geneve, 1939, p. 15—16; Brunt. *Italian Manpower*, p. 378—379.

⁴² Rowland R. *Number of Grain Recipients in the Late Republic*. — *Actae Ant. Acad. Scient. Hung.*, 1965, 13, fasc. 1—2, p. 81—83.

⁴³ Nicolet. *Le métier de citoyen...*, p. 259—263.

⁴⁴ Cic., Verr. 2, 3, 81—82; Gell., 18, 4, 4.

вернуть деньги, закон тем самым признавал недействительными условия, на которых были проведены аукционы конфискованного имущества, а отсюда логически вытекала недействительность и заключенных на них сделок по купле имений и пр. Разумеется, и автор закона, и сенат подобной цели перед собой не ставили, однако принятие этой половинчатой по своей сущности меры внесло определенный вклад в усиление неустойчивости владельческих прав на сулланские земли; не случайно в этой связи высказывание Саллюстия, что *lex Cornelia de pecunia exigenda* был проведен либо по глупости, либо по легкомыслию его автора (*Hist.* 4, 1).

Итак, в Риме 70-х гг. I в. до н. э. аграрный вопрос выступал в разнообразных, взаимосвязанных формах. Такие из них, как борьба за возвращение конфискованных Суллой земель их прежним владельцам, с одной стороны, и за укрепление сулланской собственности — с другой, были специфичными для Поздней республики.

Аграрная проблема в этих разновидностях (особенно первой) наиболее остро проявилась в 70-х гг. в движении Лепида. Разгром восстания оставил вопрос нерешенным, что привело к возрождению его в движении Катилины, хотя и с меньшей остротой. В целом проблема сулланской собственности оставалась важнейшей и сложнейшей в римском государстве вплоть до середины 50-х гг. до н. э.

Аграрный вопрос в послесулланский период приобретает все более общее значение: обеспечение лишившегося земли сельского населения средствами существования, из которых земля остается главным, но перестает быть единственным. Другое средство — снабжение дешевым хлебом той части разорившихся сельчан, которая переселилась в Рим. Хлебное законодательство как разновидность решения аграрной проблемы получило усиленное развитие именно с 70-х гг., последующие мероприятия в этом направлении — законы Катона (62 г.) и Клодия (58 г.).

Что касается традиционной формы борьбы за землю — наделения ею нуждавшегося плебса на основании земельного закона, — то в 70-х гг. в силу сложившихся после разгрома движения Лепида социально-политических условий она отошла на задний план. Аналогичное положение наблюдалось и с раздачей наделов ветеранам римской армии.

Таким образом, в 70-х гг. I в. до н. э. было положено начало тому многообразию форм аграрного вопроса, которое характерно и для последующих десятилетий.

О. С. Метушевская

THE AGRARIAN QUESTION IN ROME IN THE SEVENTIES B. C.

O. S. Metushevskaya

The author brings out the specific features of this problem, which consists in the variety of its forms and their close involvement with one another. The altered aspect of the agrarian problem, its extension beyond the traditional limits, is in considerable degree to be explained by the fact that it had acquired a more general scope: the object was to secure the means of livelihood (first of all land, but not only land) for the destitute rural population.